

МАРИНА МУРСАЛОВА

Я буду ждать тебя вечно

Рассказ

*Прекратить войны?!
Да разве это мыслимо?
Язва мира неизлечима.*

А.Барбюс «Огонь»

... На остановке напротив прощались влюбленные. Парень в военной форме, высокий, красивый, улыбочивый, все пытался заглянуть в глаза девушке. Она упорно отворачивалась, пряча заплаканные глаза. Когда подъехавший автобус подобрал последних пассажиров и остановка опустела, парень осмелел: привлек к себе девушку, порывисто прижал ее голову к груди. Та встrepенулась было, но потом затихла, закрыла глаза, и стояли они так долго, пока из-за поворота не вынырнул очередной автобус. Лицо парня погрузнело, видимо, это была сцена расставания. Девушка резко отстранилась, смущенно поправила челку, оглядываясь на вышедших пассажиров, которые, не скрывая любопытства, шеи свернули, глядя на столь колоритную парочку: солдат и его невеста. Такая картина вот уже 25 лет вызывает у всех острое чувство сопереживания, беспокойства за судьбу новобранца. Этот полумороженный карабахский конфликт время от времени забирает лучших сынов, и никто не в силах предсказать судьбу сегодняшнего военного в этой стране...

Женщина с мальчиком лет двенадцати, отчитывающая его за что-то, увидев пару, запнулась на полуслове и, остановившись на светофоре в ожидании зеленого сигнала, начала зачем-то отряхивать на сыне куртку. А потом улыбнулась и потрепала по голове: простила, поняла, что его невинные шалости, пока он еще мал и при ней неотрывно, не стоят нервов.

Девушка и парень что-то горячо обсуждали, вернее, говорил он, а девушка все так же непрерывно плакала. Наконец он как-то неловко пожал ей руку и вспрыгнул на подножку отъезжающего автобуса, а она развернулась и, опустив плечи, побрела в сторону перехода, тяжело ступая...

...Наблюдавшая эту трогательную картину с шестого этажа женщина, конечно, не могла расслышать слов диалога, хотя догадаться было несложно: парень после окончания универа на год уходил в армию. Он обещал беречь себя и часто появляться в городе, чтобы видеть свою возлюбленную. Они даже не обручены, поэтому ездить к нему она не сможет. «Всего год – это же так мало», – улыбался он. «Ты вернешься – и тебя женят», – плакала девушка. «Глупая, я же тебя люблю», «Я буду ждать тебя», «Я обязательно вернусь»...

...В дверь робко постучали. Виттолина Викторовна оторвалась от окна, поправила сползший с плеча платок и пошла открывать. На пороге стояла Севиль – соседка, живущая этажом ниже, беженка из Ходжалы. Они вселились в бывшую армянскую квартиру три года назад. Севиль была хорошей женщиной, в отличие от некоторых соседей всегда здоровалась и, главное, при встрече всегда улыбалась. Эта ее какая-то блаженная улыбка на лице со следами былой красоты у некоторых соседей вызывала раздражение.

– Беженцы, – сплетничала как-то соседка на скамейке у подъезда, где по вечерам собирались женщины. – Что-то не заметно, что беженцы. Посмотри, как одеваются. На ее дубленку посмотри, а у Самеда киши пальто какое, да еще шляпу носит, как будто не сельский! всю жизнь мечтали в городе жить, вот и подвернулся случай! Она говорила, сын их старший в банке работает, помогает. Вор, наверное. Иначе откуда у него такая машина!

– А что, беженцы не люди, по-твоему? – не выдержала другая, не понаслышке знавшая о бедах и мытарствах этих несчастных изгоев из сердца страны, Гарабаха. – Что, сельские все плохо живут, что ли? А Самед киши начальником в селе был, дом хороший, хозяйство, машина – и у них все отняли. Так и другие беженцы. Кто что смог вывезти – вывез, а остальное, нажитое годами, просто оставили и уехали – убежали от смерти! А дома в Гарабахе были у всех хорошие. Я в Шушу ездила – какая там красота, как богато люди жили, да и сами люди хорошие эти гарабахские...

– Гарабахские соловьи, – засмеялась третья. – Недаром их так зовут. Каждый второй – поэт или певец!

– Ты же знаешь, какая природа там! Запоешь поневоле! – соседки рассмеялись...

...– Салам, Вета, – как всегда, тихим голосом, поприветствовала ее улыбчивая соседка. – Позови сына.

– Севиль, заходи, не на пороге же разговаривать, – Вета пропустила соседку в прихожую и закрыла дверь. – Раздевайся, чай с нами попей.

– Нет, нет, – каждая из женщин говорила на своем языке: Вета – на русском, Севиль – на азербайджанском. Но они прекрасно понимали друг друга, так как выросли на одной земле – оба языка были на слуху. Не хватало, как говорится, только практического его применения.

– Позови, пожалуйста, сына, – попросила Севиль. – Я видела, он сегодня к тебе пришел. Давно хотела спросить кое-что...

Глядя на нее, можно было предположить, что эта женщина – благородных кровей, ханских, не меньше. Но, как выяснилось, на самом деле Севиль была из очень простой семьи. Ровный стан ее – результат ношения тяжелых корзин с зерном на голове, улыбка – черта характера и сельского воспитания, когда детей пестуют в скромности и доброжелательстве. А красота и белая кожа – особая генетика, связанная с особенностями климата горной местности Ходжалы, откуда она была родом.

– Здравствуйте, Севиль ханым, – в коридор, прихрамывая, вышел сын Веты.

– Олег, – так и не поддавшись на уговоры войти в комнату, обратилась Севиль к соседу, у которого, как она слышала, собрались военные самых высоких чинов – все они пришли на день рождения однополчанина. Они явились, чтобы лично выразить матери Олега благодарность за сына, который был награжден орденом.

Женщина вытащила из кармана жакета фотографию, на которой была запечатлена вся ее семья: муж, она и четверо детей со своими семьями – две дочери, два

сына, их мужья, жены и целых 10 внуков! Из взрослых оба ее сына, а из внуков – три девочки и три мальчика и лицом, и улыбкой очень походили на нее. Севиль сидела рядом с Самедом киши в центре, за ними стояли дети, внуки сгрудились вокруг. Студийное фото. Лица застыли в напряженном ожидании: когда «вылетит птичка»... Не в силах сдерживать счастливую улыбку Севиль, ее сыновья, три внука и три внучки... Остальные смотрят серьезно. Мать достойного семейства излучает вполне заслуженное безмерное счастье и полное удовлетворение своей судьбой...

– Прошу тебя, вспомни, ты там не встречал моих детей? Вот ее, мою дочь, ее мужа и моего внука – вот они все здесь?

Олег внимательно посмотрел на фото.

– Нет, ханым, не встречал.

– Ты же был в Ходжалы? – на ее лице было написано сплошное отчаяние. Прижимая фотографию к груди, скинув туфли, она прошла в гостиную, скромно поздоровалась. При ее появлении крайний мужчина в форме вскочил со стула:

– Присаживайтесь, ханым.

Но соседка, с трудом передвигая ноги, с тем же безнадежным выражением лица протянула фотографию:

– Оглум (сын), – обратилась к крупному мужчине, как ей показалось, самому главному здесь военачальнику, – прошу тебя, внимательно посмотри – эта и эти двое – не встречал где-нибудь там, в Гарабахе?

Полковник взглянул на фото, затем передал рядом сидящему – фотография описала круг и вернулась к владелице.

– Нет, ана, не встречали.

– Ты был в Ходжалы?

– Был, – в глазах полковника вспыхнул огонь. – Нет, мать, не встречал твоих детей. Прости... прости за все... прости, что не уберегли...

Женщина обвела присутствующих пустым взглядом. Еще несколько минут назад в ее сердце теплилась надежда, теперь опять стало пусто и больно. В задумчивости она присела на стул, казалось, последние силы покинули ее. В комнате повисла тягостная тишина.

– 26-го это было, февраль... да вы знаете... – начала она свой рассказ. – Нас выстрелы разбудили. Мы уже не раз их слышали, но нам говорили, что скоро все прекратится, что прибыли миротворцы, и они помогут восстановить мир... много жителей эвакуировали в Баку на вертолетах, город уже был в блокаде. Мы ждали своей очереди, муж мой начальником был, занимался эвакуацией жителей. Но дня за три вертолеты больше не прилетали, и мы подумали, что о нас забыли. Но продолжали верить в справедливость Аллаха, который не должен дать погибнуть нашим детям, – Севиль промокнула глаза краем красивого келагаи со старинным баскальским орнаментом.

Старые вояки молчали, никто ни разу не перебил женщину, которой, судя по всему, нужно было выговориться. Слишком долго она скрывала свои эмоции, заботясь о здоровье близких...

– Я уже какую ночь не спала до того. Все прислушивалась – не летит ли вертолет за нами. Но было тихо, даже собаки не лаяли, забились под сарай. Небо темное, безлунное. Но все чаще и чаще освещается всполохами – гул приближается. Муж тоже не спит – накинул пальто и курит во дворе, одну за другой.

– Что с нами будет? – вышла я за ним во двор.

– Не знаю, – отвечает.

Впервые за всю нашу совместную жизнь я услышала от него, главы семейства, такой ответ. От его слов мне стало совсем страшно. И от взгляда его.

– Ничего не понимаю, – сказал он. – Почему нас не вывозят? Что вообще происходит?

– Наверное, мы уже никому не нужны, – сказала я. – Разве что своей земле...
Вскоре стали стрелять совсем близко. А потом началось...

Севиль ханым говорила ровным, каким-то безразличным, усталым или, скорее, безнадежным голосом, и картина происходящего разворачивалась перед глазами присутствующих – страшная, в мельчайших подробностях.

– Наши мужчины, соседи и военные бегали между домами, стучали в окна, двери, помогали собраться. Зима в горах суровая, и февраль, как обычно, выдался самым холодным. Трое внуков, слава Аллаху, – она воздела к небу руки, – ночевали в тот день у меня... пока мы одели детей, похватали какие-то вещи, бежать стало поздно. Прибежал старший сын, сказал, что в город ворвался враг. Я сама слышала, как на соседней улице грохочут гусеницы танков. Я слышала, как кричали раненые, затем выстрелы – и все стихало... И я слышала не только армянскую речь, – ее взгляд метнулся на Олега. – Как, как такое могло случиться?

Севиль ханым крепко зажмурила глаза, останавливая поток слез, но они все равно просочились из-под дрожащих ресниц и закапали прямо на фотографию.

Олег вышел ненадолго и вернулся с подносом, молча расставил перед сидящими стаканы с чаем, пододвинул поближе к соседке конфетницу... Она растерянно, словно глядела сквозь, задержала взгляд на хрустальном стакане.

– В ту ночь двое детишек старшей дочери у меня заночевали, а один с ними остался. Газ в районе с начала года вообще отключили, и наша старая печь нас здорово выручала. А у них новый дом был, с паровым отоплением, печка всего в одной комнате, дети и заболели... а дочь с мужем и старшим сыном в своем доме остались...

Она теребила в руках край келагаи и смотрела на стакан. Мужчины терпеливо ждали продолжения рассказа, слышанного много раз из уст пострадавших, людей, чьей участью стало, бросив родимый край, благоустроенные дома и хозяйство, стать беженцами на родной земле, из которой их нещадно вырвали, как вырывают крепкие плодоносные деревья при прокладке новой дороги – безжалостно, грубо, вместе с корнями...

Теперь им предстояло забыть о прежней размеренной и понятной жизни, искать хоть какое-то убежища для своих детей, стариков, новый способ заработка, привыкать к незнакомым реалиям и нередко совершенно незаслуженно – к людскому презрению.

После того, как рухнул Союз и с ним все прежние устои, слово «беженец» на великих просторах постсоветского пространства заменило прежнее теплое «товарищ». Беженец – производное нового времени, страшное прозвище, незавидная участь, которую не выбирают...

– Мы пробирались огородами, вдоль русла реки, шли в сторону Агдама и, слава Аллаху, смогли дойти до Пирджамала, там, наконец, нас отогрели. Но у многих были обморожения, ведь они так и не успели как следует одеться, некоторые шли в домашних тапках или носках – прямо по снегу. Было страшно, холодно, начался снегопад. Хотя он-то, наверное, и спас многих. Родные горы укрыли нас, и Небеса все же сжалились над нами... – она говорила быстро, не открывая глаз. – Дети дрожали и плакали, не понимая, что происходит и куда ведут их родные в такой холод – они при-

выкли, что мы их всегда берегли от него. Иногда враги были совсем близко, и тогда мы зажимали детям рты, чтобы они не выдали нас. Но моих соседей, как я потом узнала, все же обнаружили – заплакал грудной ребенок... совсем младенец, я его держала вот в этих руках, помню, как радовался молодой отец – устроил знатный той...вся семья погибла...

Севиль ханым резко распахнула свои голубые глаза, словно не в силах больше испытывать боль, вызванную воспоминаниями.

– Простите, – она смущенно оглядела мужчин, поправила на голове платок и тыльной стороной ладони просто, по-крестьянски, утерла слезы.

– Что стало с твоей дочерью, ана? – задал вопрос один из офицеров.

– Говорят, их взяли в плен. Наш сосед, военный, потом возвращался туда, своих искал среди убитых. Всех нашел, а моих, говорит, не встретил. Значит, живы они? Может, и правда в плену?

– Если не нашел, значит, живы, – мрачно произнес один из мужчин. Женщина испуганно посмотрела на сказавшего.

– Иншаллах! – тихо произнесла она. – Я слышала, что пленных армяне используют на золотых приисках в Кельбаджаре. Может, они и правда еще живы?

Севиль опять сжала веки, все присутствующие без исключения мгновенно ощутили боль, что пронизала эту женщину. Понять пережившего войну может только переживший войну...

– Сколько людей убили, простых жителей. Зачем?! Скажи, зачем убивать детей, их матерей? Выкалывать глаза? Вспарывать беременным животы, отрезать головы, бросать под колеса... Где, у каких матерей рождаются такие звери? Проклятые! Зачем убивать стариков? Даже мужчин? Они же безоружные все были. Простые сельчане, сеющие хлеб... – она вздохнула и сказала тихо, но с сердцем: – Столько проклятий этим убийцам послано, если бы люди были – уже не вынесли бы этих проклятий. А может, уже и горят в аду... И я до конца своих дней буду проклинать весь их род...хотя этим не вернешь моих несчастных сельчан, погибших в страшных муках...

Севиль ханум вздохнула и оглядела суровых на вид полевых командиров, хранивших молчание. Она поняла, что им действительно нечего ей ответить. Война не закончена, хотя и наступило перемирие. Шутка ли – семь оккупированных районов. Раз земля под пятой врага, значит, война продолжается.

– Да хранит вас Аллах, – женщина тяжело поднялась и вышла за дверь.

Виттолина Викторовна все это время находилась на кухне. Она стояла у плиты и, прижав руки к груди, тихо плакала. Она не очень хорошо понимала азербайджанскую речь, но знала историю соседки, потерявшей детей – ее женское, материнское сердце слишком хорошо чувствовало и улавливало суть трагизма произошедшего. Каждый раз при слове «Ходжалы» вздрагивал каждый, знающий его ужасную историю...

...Когда началась война, сын Виттолины Викторовны Олег, кадровый военный, окончивший бакинское пехотное училище, мог бы преспокойно устроиться где-нибудь в России, на своей исторической родине. Так поначалу, в принципе, и было. Уехал в конце 80-х в «резиновую» Москву.... Стараниями «отца демократии» Горбачева авторитет военных в России на тот момент обесценился совершенно, и армия усилиями но-

вого президента была распущена. Олег смог устроиться на завод мастером и даже получить комнату в общежитии, где поселился с женой и ребенком. И вроде влились они в эту московскую бытность. Непривычная для Олега гражданская жизнь постепенно налаживалась и без казарменных привычек: ходить строем, участвовать в учениях и ночных дежурствах. Но в Гарабахе начались военные действия, и все его товарищи по училищу ушли на передовую. Выходит, он один, как предатель, отсиживается в теплом месте, пока его родине угрожает опасность, – мучился он мыслями по ночам. Он-то точно знал, что там большая напряженка с местными военными кадрами.

– Нужно ехать, – однажды решительно сообщил он жене и стал собираться в дорогу.

– Кому нужно? – скептически переспросила та. – Ты русский, твое место здесь.

Но она тут же сама вспомнила, как несколько раз пришлось столкнуться с москвичами из-за своеобразного бакинского акцента – их здесь принимали настороженно, с недоверием и искренней враждой. Они были теми же презренными беженцами на своей исторической родине, где их и русскими-то никто не считал – другие взгляды, привычки, даже традиции, почерпнутые в результате тесного общения с азербайджанцами...

Эмигрировавшие бакинцы старались держаться вместе и по той же бакинской традиции помогать друг другу. Их всегда и везде, помимо экзотических фамилий, выдавали акцент и особые манеры. Так или иначе, но «понаехавшие» вносили свою заметную лепту в местные традиции взаимоотношений. В свою очередь, принимая совершенно отличный от их прежней жизни чужой уклад, многие бывшие бакинцы порой кардинально менялись сами: кто-то, сориентировавшись, по-московски «пошел по головам» – решительно и бескомпромиссно устремился в бизнес, кто-то сделал головокружительную карьеру, а кто-то так и не нашел себя, застрял в глубинке или спился и упал на дно...

Таня посмотрела на мужа, но он, казалось, прочитал ее мысли.

– Я – русский азербайджанец, – как всегда в шуточной манере сказал Олег, – и мое место там, где мои товарищи, мои родители и моя земля. Я вырос там, если ты была.

Сказал, и у обоих словно гора с плеч упала. Всегда чувствовали, что хотя Россия и родина историческая, но не вписывались они уже в этот «исторический формат». Душой они уже были скорее азербайджанцами и испытывали по родному Баку, по мусабековским друзьям и подругам, по родным, по бульвару, по морю страшную ностальгию.

Родителей, конечно, не обрадовал такой поворот событий, но они не стали уговаривать Олега вернуться обратно в Москву. Поняли, что решения своего он не изменит. Повздыхали, вспомнив, как когда-то, еще в советские годы, радовались, узнав, что Олег захотел стать военным: приличный фиксированный оклад, офицерский паек (при тогдашнем нарастающем дефиците товаров это был большой плюс), да и работа не пыльная – командуй себе, да изредка выезжай на учения (отдохнуть от семьи).

Муж дочери тоже был военным – врачом, полковником. Ему пришлось побывать в Афганистане, но его рассказы о войне не казались настолько страшными, ведь враг был эфемерным – где-то далеко, за границей, и зять исполнял свой интернациональный долг. Никто не вникал в суть этой военной «миссии», в ее бессмысленность и совершенно негуманный, казалось бы, идущий вразрез с советскими

принципами, характер. После распада Союза и Закавказского военного округа зять остался в рядах российской армии, и семья дочери переехала в Москву, куда вскоре и подоспел Олег со своей семьей.

...Гарабахская война для всех была реально ощутимым бедствием, ведь она шла совсем рядом и вовлекала, калечила и обездолила все больше людей. Весь ужас состоял в ее непредсказуемом характере и в том, что параллельно происходили другие тягостные события, когда разрушались все бывшие высокие идеалы, устоявшийся уклад и вся система ценностей. Разрушался привычный мир: разваливалась экономика, закрывались (распродавались) предприятия некогда богатой нефтяной империи. Многие семьи испытывали страшную нужду, не имея работы и, соответственно, средств к существованию. Баку – город беспечных и довольных людей, город музыки, джаза и искусства – погрузился в суровую мрачную атмосферу: где-то постреливали, кого-то грабили, похоронные палатки возникали в разных частях города ежедневно и с каждым днем их становилось все больше... И повсюду черные толпы беженцев: неустроенные, измученные бытовыми неурядицами, не отошедшие от пережитого, увиденного. Общее горе их объединяло, и они были огромной силой. Каждая несправедливость по отношению к ним вспыхивала новой чередой митингов с колоннами рыдающих, бьющих себя в грудь женщин, лишившихся не только имущества и угла, но и части своей семьи, переживших ужасную трагедию совсем недавно...

О подвигах сына мать, Виттолина Викторовна, узнала только теперь, когда Олега, серьезно раненого в голову, после госпиталя стали навещать фронтовые друзья и командиры. Она смотрела на лица этих людей, и по коже ее пробегал мороз. Она давно поняла – на примере зятя, а потом и сына, что люди, опаленные войной, уже никогда не будут прежними. Они и улыбаются иначе, и разговаривают, словно пребывая все время в каком-то ожидании внезапных перемен, напряжении, словно понимая, что эта гражданская жизнь с ее мирным течением и праздностью уже никогда не будет прежней для них. Видимо, их мозг, подвергшийся давлению, необратимо изменился, и они видят в людях то, что простым смертным не дано увидеть. Ведь война – это место проверки всех человеческих качеств...

Олег сам сказал:

– Мама, на войну человек уходит одним, а возвращается совершенно другим, каким останется уже до самой смерти, и ничто не в силах его изменить.

О ее сыне эти полевые командиры говорят только хорошее. Да и сын о них – что все они герои. Наверное, это такая фронтовая мужская дружба, круговая порука. Как сказал сын, на войне герои все, кто смог выжить. А выжить можно только сообща, помогая друг другу в этих страшных условиях.

Один из командиров рассказал, как Олег однажды спас заблудившегося совсем еще юного солдата: в момент неожиданной атаки врага тот спал под кустом – там и схоронился. Батальону пришлось тогда отходить и укрываться в горах. Олег, наутро недосчитавшись солдата, вернулся на место боя и отыскал солдата, ведь он был ответственным за своих бойцов. Казалось, спас одного человека – а сколько жизней за этим зеленым юношей стоит! В другой раз они, также с трудом, вырвались из кольца, но в окружении оставалось больше десяти таких же необстрелянных бойцов. Никто не хотел возвращаться, говорили, что это сродни самоубийству – враг наступает, явно превосходит в силе и достаточно профессионален, настоящая «дикая дивизия». Но Олег и друг его Наиль, окончившие пехотное училище и знавшие, как управлять БМП, умчались на машине в сторону врага. К вечеру вернулись, груженные «живой силой»:

бойцы, в их числе и раненые, сидели вповалку внутри и снаружи. Однажды на глазах у всех во время боя от прямого попадания загорелся танк. Олег с товарищем Талехом бросились открывать люк, который заклинило. Над головой летали пули и впору было спастись самим, но они слышали, как внутри кричали погребенные заживо товарищи и продолжали бить по люку. Олег видел, как Талех осел и рухнул с танка на землю – его скосила пуля. Он крикнул, и друга оттащили вглубь леса, где принялись оказывать первую помощь. К Олегу подскочили еще двое – общими усилиями, ценой ожогов, им удалось, наконец, справиться с тяжелым люком. Вместе с клубами густого дыма из танка повалили солдаты его взвода – кто ранен, кто отравился дымом, кто серьезно обожжен, но самое главное – все живые!

Талех рассказывал: он видел, как Олег тогда, не сходя с дымящегося танка, поднял глаза к небу, раскинул руки и закричал: «Спасибо, Господи!» Вокруг свистели пули, казалось, сам воздух был насквозь ими прошит. А этот русский стоял, и пуля его не брала! Олег верил, что пуле его не взять, что «пуля – дура»! Он слыл не просто бесстрашным, а скорее безбашенным: мог во время перестрелки встать во весь рост и пойти искать свою ушанку, или на спор – карту. Слушая веселые рассказы, по сути, о героизме сына, Виттолина Викторовна с мужем не улавливали никакого юмора, они ужасались, только на миг представив, что могло произойти из-за сыновней никчемной бравады. И почему в такие мгновения никто не вспоминает своих родителей, – думала мать Олега. Но у войны свои неписанные правила, свой кодекс чести и поведения, и это тоже чья-то жизнь, молодость, переживаемые чувства и эмоции...

Но «пуля-дура» все же настигла его. И это было спустя три месяца после достигнутого новым правительством во главе с Гейдаром Алиевым соглашения о перемирии в мае 1994-го. В августе БМП с группой бойцов, возвращаясь из части в Баку, подорвалась на mine. Больше половины погибло, у Олега – тяжелое ранение в голову. Он, как всегда, с юмором вспоминал, как его, почти бездыханного, бойцы привезли в полевой госпиталь, где на его счастье оперировал «нейрохирург от бога», посчитавший своим долгом быть на передовой. «Если он умрет, – пригрозил ему один из друзей Олега, – я лично застрелю тебя». Хирург устало отвел руку с сигаретой и сказал: «Убить, может, и легко, но как жить с этим потом будешь?» Он уже привык к такого рода угрозам – изъявлению фронтовой дружбы. Все переживали за своих друзей, с которыми война связывала порой крепче, чем родственные узы. Но не все, к сожалению, выживали. Этого хирург не сказал, а направился напрямик в операционную. Он сделал главное – подарил надежду на жизнь, а основное лечение предстояло продолжить в бакинском военном госпитале, куда Олега переправили на вертолете.

Лежа на больничной койке, Олег заметил, как за это время постарели его крапива-мать и отец. В госпитале раненые поняли, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»: медикаменты приходилось приобретать за свой счет и платить за услуги медперсонала. Еду, которую приносили родственники, делили с теми, у кого родных в Баку не было, те остались в районе, и многие даже не знали, что случилось с их детьми.

Олег страдал страшными головными болями, осколок пробил черепную коробку и часть ее была удалена. Требовалась срочная пластическая операция. И тут жена Олега Татьяна, бывшая журналистка, узнала о том, что израильское правительство предложило помощь – сделать операции тяжелораненым воинам азербайджанской армии. Татьяна подключила своих друзей-журналистов, которые помогли внести фамилию Олега в уже практически утвержденный список.

В Израиле ему сделали операцию. Но требовалась еще одна – повторная, дорогостоящая. В Баку никто не брался за нее, а оплатить лечение в том же Израиле, располагающем новейшими технологиями и медоборудованием, было некому. После долгих мытарств по министерствам не нашли другого решения, как уехать по так называемой «еврейской линии», которую организовала его шустрая супруга. С двумя детьми (второй совсем еще грудной) отправились на постоянное место жительства в благословенный Израиль – это был шанс остаться Олегу в живых. Ему сделали в военном госпитале в Хайфе еще две операции – как пострадавшему на войне, в военном конфликте, хотя и не в израильско-палестинском, и это удивляло Олега больше всего. Но, наверное, чтобы понять горе другого и иметь желание помочь, надо самому пострадать...

Но Израиль, новая «Земля обетованная», была гораздо позже – в 1998-ом... А пока его товарищи сидели у Олега дома.

– Олег, – негромко произнес Талех. – А ты помнишь тот случай, когда мы вышли из первого боя под Агдамом?

– Какой случай? Случаев было много, – усмехнулся Олег, и тут же невольно сморщился, резкая боль пронзила голову словно насквозь. Даже в момент ранения он не ощущал ничего подобного.

– Когда мы вернулись – все живые! Первое боевое крещение. Помнишь, первая наша победа! Ребята стали палить на радостях из автоматов, и один салага случайно пальнул в сторону беседки...

– Зачем ты это сейчас вспомнил? – нахмурился Наиль.

Талех, Олег и Наиль. Вместе учились, вместе решили поступать в пехотное, стать военными. С пятого класса их объединяла любовь к военной технике. Наиль был сыном военного, жил в Сальянских казармах, часто с восторгом рассказывал о военных учениях, показывал фотографии, картинки, вырезанные из журнала «Техника молодежи». Это он привил двоим своим товарищам, Олегу и Талеху, «военную романтику», мысль, как это почетно и круто – служить в армии, защищать свою родину и, главное, быть поближе к военной технике.

– Того несчастного звали Ильяс, не так ли? Фамилию помнишь?

– Конечно, – сказал Наиль, – мой ефрейтор, смысленый малый был... – Он вздохнул. – Настоящий мужчина, каких мало... а так бесславно погиб... по чьей-то дурости...

– Это война, – глухо произнес полковник. – Все, что на ней происходит, – все по чьей-то дурости...

Все пятеро одновременно подняли головы и посмотрели на командира.

– Вы по-другому думаете? – обвел он тяжелым взглядом своих бойцов. – Кто-то начинает войны, а наше дело – закрывать чьи-то косяки или хотя бы сдерживать врага. Как сейчас.

Талех, чрезмерно эмоциональный и резкий в словах, посмотрев на товарища, с пренебрежением в голосе произнес:

– Сейчас не просто косяк, это полная лажа... потерять Гарабах – это... это ...

Говорящего остановил все тот же взгляд командира. Взгляд, слишком красноречивый, чтобы его не понять или дожидаться слов объяснения. Взгляд, повидавший столько, что обрел телепатические способности – проникать в считанные секунды в подкорку. Взгляд, который всегда будет мерить жизнь по меркам войны...

– Мы делаем работу, как положено, и готовы головы свои сложить за свой Азербайджан.

байджан, но не все зависит от нас, ты ж у нас политруком был, ты знаешь, какая сейчас обстановка в мире и в регионе. Патриотов хватает, но этого на сегодня мало. Войны ведутся кабинетные, если по бабкам удастся договориться – считай, война закончена. Сегодня ситуацию не спас бы даже гениальный стратег Аманулла хан Гаджар.

– Для чего тогда мы нужны? Давай разбежимся по углам! И закончим на этом! – с обидой произнес Талех.

– Мы должны сдерживать этот пояс, чтобы не стало хуже, я повторяю, мы должны закрывать все эти косяки, даже ценой своих жизней. Мы военные – и это наша работа, обязанность. Придет время – все вернем, не сомневайтесь.

– А никто и не сомневается, – слишком уж весело сказал Олег, – я больше скажу: я хочу в этом принимать участие!

– Да сиди уже, – махнул на него рукой Талех.

– Работу всегда можно сменить. Я здесь не только потому, что военный спец, – обиженно произнес Наиль. – Я не успокоюсь, пока последняя вражеская собака не уйдет с моей земли!

Командир выслушал, не спуская с него тяжелого взгляда; после того, как тот замолчал, обратился к Талеху:

– Что ты говорил насчет Ильяса?

Этот шустрый, симпатичный парнишка тоже остался в памяти командира как один из немногих с задатками настоящего бойца. Командир не только был наслышан о его смелости и стратегической мудрости, но и сам успел удостовериться в его способностях. Хотел после того боя сделать его своим адъютантом...

– Его мать живет во дворе моего брата.

– Надо ее тоже навестить. Скоро Новруз байрам. Мы должны это сделать, рассказать ей о сыне, о том, что вырастила достойного человека...

– Думаю, это ни к чему. Как раз этого ей знать не нужно...

... Ильяс! Ильяс! – по двору разносился тревожный голос матери. – Где ты, сынок?!

Почти каждое утро начиналось одинаково. Заспанный сосед, быстро накинув халат, вышел на смежный балкон.

– Сона хала, Ильяс скоро подойдет, он у товарища задержался!

– У какого еще товарища? Утро раннее! Всю ночь где-то гуляет, а мать должна волноваться?! Вот придет отец со смены – все ему расскажу! Передай, что я твоего дружка на этот раз защищать не буду. Смотри на него, новую моду взял – по ночам где-то бродить!

– Скоро придет, не переживайте!

– А ты откуда знаешь? Что, с ним был?

– Да, да, был, конечно... идите, отдыхайте, Сона хала, он скоро подойдет.

Еще раз строго взглянув на соседа, ровесника и друга сына, женщина зашла в квартиру.

Кямран поежился от утреннего, довольно свежего воздуха.

Его молодая жена, оторвав от подушки сонное лицо, недовольно приоткрыла глаза.

– Сколько это может продолжаться? Я каждый день будто по будильнику просыпаюсь. Ни в субботу, ни в воскресенье покоя нет.

Кямран посмотрел на супругу долгим взглядом.

– Ты что, совсем ничего не понимаешь?

Лейла виновато спрятала глаза.

– Ну что теперь нам делать? У каждого человека своя судьба, свои проблемы. Ну, уже случилось. Но это ведь ее жизнь. Мы за что страдаем?

– Что ты предлагаешь? – Кямран встал посреди комнаты, с вызовом скрестил на груди руки.

– Ну, не знаю, может, у нее родственники есть где-то в районе – продали бы квартиру и взяли деньги себе, присматривали бы за ней.

– Ты понимаешь, что она никуда отсюда не уйдет? Она существует в своем мире, где ее сын жив и вот-вот вернется. Для нее та черная полоса навсегда выпала из памяти. Для нее Ильяс жив! Она разговаривает с ним, уверена, что он где-то рядом, ходит на работу, ужинает с ней...

– Я об этом и говорю, это же ненормально! Ты знаешь, что ей может в голову взбрести? Она может, в конце концов, нож в руки взять, дом поджечь... Она же неадекватно мыслит! Она больной человек и живет одна, без присмотра...

– Не одна... – Лейла метнула испуганный взгляд на мужа. – Ну, думает, что не одна... Ахмед киши умер тогда от разрыва сердца, прямо на пороге, как только увидел посыльного из военкомата, все понял... – Кямран стукнул кулаком по стене. – А сколько он ходил туда, добивался исполнения указа: не брать единственного сына в армию, единственного кормильца! Ильяса прямо в автобусе схватили, облава была, всех молодых похватили. Один раз он через окно успел вылезти, убежать, а в тот раз не удалось... Когда сообщили родителям, времени было в обрез – за деньги можно было еще вытащить его, но Ахмед киши уже полгода был безработным...

Кямран налил в две чашки чай, достал из холодильника блюдо с пирожными, благо в однокомнатной хрущевской квартире, переделанной в студию, до всего было рукой подать. Вернулся с подносом в постель к молодой жене.

– Его завод закрыли, кто-то приватизировал, и набирали новых молодых работников, – продолжил Кямран, жуя эклер. – Сона хала всегда была домохозяйкой – у них на тот момент Ильяс и вправду единственным кормильцем был. С трудом устроился поваром на паром, продукты приносил и деньги. Мечтал в институт поступить, в нархоз, говорил, вот скоплю денег, там, знаешь, сколько каждая сессия обходится! Я помню, он всегда, еще со школы все пытался подрабатывать: то ящики магазинчику таскал, то в Пиршаги ездил за цветами ухаживать в теплице, к какому-то богачу, цветочному магнату. Часто его, мальчишку, оставляли ни с чем, но иногда удавалось и заработать. Помню, один раз – лет пятнадцать ему было – принес он матери денег. Говорит, вот, возьми, я же мужчина, тоже должен в дом деньги приносить... Она такая счастливая была. И отец гордился, говорил все время нам: «Есть такая японская пословица: хочешь человеку помочь, не давай ему хлеба, а научи его этот хлеб выращивать». На всю жизнь я запомнил эти его слова. Он часто подсаживался к нам, пацанам, и учил нас, как надо жить...

Кямран усмехнулся. Вспоминая друга, с которым прошел огонь и воду, занервничал. Поставил на тумбочку тарелку и потянулся за сигаретами. Лейла накрыла пачку рукой:

– Ты же обещал бросить.

Кямран решительно убрал ее руку и, вытащив сигарету, вышел на балкон.

...– О, Аллах, за что мне эти муки! – Нармина нервно скрестила руки на груди. Половина мужа оставалась нетронутой. «Скажет, что ночевал у матери, а та, как всегда, будет его покрывать», пронеслось в голове.

– Как надоела эта старуха! Ну, когда ее в психушку наконец заберут! – со злостью произнесла женщина вслух, хотя старухой называла свою ровесницу, они когда-то даже учились в одном классе. Знала, что случилось в ее семье, что в один день, узнав о трагедии с сыном, ее одноклассница лишилась чувств и очнулась уже другим человеком, с поврежденной психикой. Несчастливая Сона до сих пор не ведаёт о том, что в тот же день еще и мужа лишилась ...

С молодости недолюбливала Нара эту Сону, корчившую из себя недотрогу. Ни лицом, ни фигурой, ни родом не вышла, а ходила вечно, задрав голову, как королева. Девчонок это страшно раздражало, а мальчишки тянулись к ней, будто она медом была помазана – уж очень улыбка ее всем нравилась! Даже теперь лицо ее приветливой улыбкой светится. Знала бы, что улыбке в ее жизни уже нет места...

Нет, за что-то, видимо, Аллах все же пожалел ее, лишив разума, решила Нармина.

«А меня Аллах, видно, не любит вовсе!» Нара чуть не заплакала, взглянув на себя в зеркало – в кого она превратилась за эти годы: под глазами круги, уголки губ скорбно опущены. Губы плотно сжаты то ли в преддверии слез, то ли неминуемого скандала? Всю ночь думала о своем муже-казанове, не могла уснуть, все представляла его рядом с очередной пассией. Ей хотелось плакать, кричать и биться головой о стену. Она уже устала выслеживать, вытаскивать его то из одной, то из другой постели, выяснять отношения, скандалить с тем, чтобы, пережив очень короткий промежуток примирения, начать все по новой. Неужели она, независимая, красивая и богатая женщина, известный врач, дочь министра, хотя и бывшего – влиятельного человека, которого знает полгорода, заслужила такую трудную, унижительную судьбу?

Наверное, правильно говорят: нельзя выходить замуж без родительского благословения. Те сразу раскусили этого «подлеца», и при первом же его адюльтере в категорической форме предложили дочери развестись со своим «красавчиком». Но она продолжала любить и злилась чаще не на своего благоверного, а на родителей, которые со временем вовсе запретили приводить его в родительский дом. Только она его понимала, сама оправдывала все его похождения – ведь он был неописуемо красив. Особенно теперь, в зените мужской зрелости... Несмотря ни на что, он ей был необходим, как воздух.

Нармина услышала, как вставили ключ в замочную скважину. Быстро накинув кружевной шелковый халатик, она спрыгнула с кровати и поспешила в прихожую.

Но это было ее младший сын Самир. Он сощурился от вспыхнувшего яркого света и нерешительно затоптался на пороге.

– О, Господи, что ты там застрял? – недовольно произнесла мать. – Где шлялся всю ночь? Весь в папашу, такой же дебил!

Не дождавшись ответа от своего 20-летнего бездаря, вернулась в спальню, закрыла за собой дверь. Кроме мужа ее, казалось, не интересовало ничего в этом мире. Дети выросли с няней. Ее мать виделась с внуками нечасто из-за разногласий с зятем, свекровь из-за такого пренебрежительного отношения со стороны родителей невестки тоже строила из себя обиженную и не очень-то рвалась общаться с внуками – они

виделись по редким праздникам. Оба сына были предоставлены самим себе после того, как перестали нуждаться в помощи няни. С двенадцати лет сами ходили в школу, делали уроки, выбирали себе друзей и чем заниматься в свободное от школы время. С возрастом они все чаще сбегали на улицу от родительских скандалов, которых сначала очень стеснялись, а потом привыкли к тому, что весь двор знает, что происходит в их семье – что отец у них «настоящий мужик», как уверяли их друзья, а мать – «как все женщины». Но эти скандалы не могли не сказаться на них, на отношениях с родителями, которых, казалось, ничто не могло примирить и в то же время разделить.

– Если отец такой debil, почему ты живешь с ним столько лет? – с какой-то странной улыбкой на лице запоздало крикнул вслед матери Самир. Впервые он позволил себе подобную дерзость.

Нармина вернулась в коридор. Сын стоял в куртке, продолжая теревить в руках связку ключей. Его слегка как будто покачивало, а на лице красовалась ехидная ухмылка. Нармина подошла вплотную.

– Ты что, пил? – она обнюхала сына.

– Что ты, мама, мамуля! – слово «мамуля» прозвучало как издевка.

– Что с тобой? Где ты был? – наконец задала она вполне обоснованный вопрос, какой должна задавать каждая мать своему припозднившемуся сыну.

– Устал, спать хочу, – сын хотел было направиться к себе, но Нармина схватила его за плечо.

– Устал? А что ты делал, чтобы уставать? – Нармина, накрученная изнутри, как обычно, завелась с полоборота. И, как обычно, под руку попал сын. – Он устал, видите ли! Целый день где-то пропадает. Мы для чего тебя отмазали от армии? В институт хоть раз заглянул бы! Я что, печатаю эти деньги – отдавать за тебя каждую сессию? Ты же мужчина, чем заниматься собираешься? Какой из тебя врач, если ты укол нормально сделать не можешь на третьем курсе!

– Укол?! – Это слово очень развеселило Самира. – Укол! – он весело хихикал. – Нет, по уколам у нас Рашад специалист, а я преимущественно по колесам!

– Каким еще колесам? – от этого на первый взгляд невинного каламбура ее словно окунули в ледяную воду, внутри все похолодело.

Недавно ее старший сын Рашад женился, всего полгода назад. А месяц назад она узнала страшную правду от его жены – Рашад был наркоманом. Как мать, к тому же врач, не заметила, проглядела момент, когда зародилось и стало прогрессировать это смертельное пристрастие. Но Рашад горячо всех заверил, что такого больше не повторится, даже согласился пройти курс лечения у знакомого врача, который, как давший клятву Гиппократу, обещал сохранить все в тайне. Но информация все же просочилась, знакомых облетела позорная весть.

Сердце Нармины тревожно екнуло. Она-то знала, что наркомания – неизлечимая болезнь и держаться какое-то время помогает лишь весомая мотивация, то есть, все держится на одном «честном слове», больной в любой момент может сорваться.

Она пошла вслед за Самиром в его навороченную по последнему слову техники комнату. Тот возился с брюками – попытка стащить их с первого раза не удалась.

– Мама, выйди из комнаты, я же не ребенок, – он и присутствия матери не сразу заметил.

– О каких-таких колесах ты сейчас сказал? – она не обратила внимания на его просьбу. – И почему ты ведешь себя так неадекватно?

Самир наконец справился с брюками. Он с силой швырнул их в кресло.

– Это я веду себя неадекватно? – он вдруг подскочил к матери и заорал во все горло. – Это вы все ведете себя неадекватно!

– Тише, соседи еще спят, наверное, – впервые столкнувшись с агрессией младшего сына, любимчика, Нармина опешила.

– Ты только сейчас вспомнила о соседях? Да мне плевать на них! Ты не о соседях думай! О нас думай! – он заметался по комнате и каждый раз, уходя вглубь и возвращаясь, накидывался на мать. – Неадекватный... Отец – дебил... Думаешь, что говоришь сыну? А если так думаешь, чего терпишь? Брось его, меня! И оставь всех нас в покое, наконец!

– Ты... ты что говоришь? Я же ради вас с Рашадиком все это терплю, я же семью хотела сохранить...

– Да хватит уже, мама! Ради нас... – взгляд его, казалось, слегка потеплел, а в голосе зазвучала горечь. – А ты у нас спросила, нужна нам такая семья? Эти вечные скандалы, этот позор, в котором мы живем? Это твое вечно недовольное лицо, слезы? Тебе же все время было не до нас! Меня «сын» моя няня называла, не ты!

– Неужели ты только это помнишь? – тихо произнесла Нара.

– А что еще? Что мы ни в чем не знали нужды? Да плевать мне на эти горы игрушек и импортных шмоток! Плевать на этот институт, не хочу я работать врачом! Меня выворачивает при одном только взгляде на чужие раны или гнилые зубы, я не собираюсь выслушивать с утра до вечера стоны и жалобы! Я хочу жить в кайф, хочу быть музыкантом! Я пишу техномузыку, ты знаешь об этом?

– Ну и пиши свою музыку, кто тебе запрещает? А институт все равно закончишь, в нашем роду нет никого без образования. А бросишь – в армию загремишь, это я тебе обещаю!

– Да не боюсь я армии! Наоборот, с радостью пойду! Лучше – как Ильяс... геройски, чем...

– Хочешь побольнее ужалить, в самое сердце, да? И это твоя благодарность? – совсем глухо произнесла Нара. – Твоя мать что, алкоголичка, ты жил в голоде-холоде, воспитывался под забором? И ничего хорошего мы с отцом для тебя не сделали?

– Ни одного слова доброго, ни одного ласкового слова я не слышал в этом доме, набитом добром! Ты ни разу не села, не поговорила со мной, не спросила, о чем я думаю, что у меня на душе? – глаза его были наполнены слезами. – Сказать, почему я шляюсь, как ты говоришь, ночами и не спешу домой? Сказать, чем я занимаюсь?

– А отец, конечно, с тобой говорил и интересовался... – уязвленная таким несправедливым к себе отношением не упустила случая вставить Нармина.

– При чем здесь отец?! – заорал благим матом Самир.

– Во-первых, не смей повышать на мать голос, щенок! – со злостью прошипела Нармина. – А во-вторых...

– Щенок! – сын заревел, словно раненый зверь. Затем вдруг начал громко смеяться. – Вот кто я для тебя! Щенок, а не сын! Щенок! Ты даже не слышишь, что я тебе говорю!

Он начал со злостью бить кулаком в стену, от очередного сильного удара лопнула кожа, но Самир, казалось, не чувствовал боли и продолжал колотить по стене окровавленной рукой.

– Что ты делаешь? – закричала в свою очередь Нармина. – Знаешь, сколько эти обои стоят?

Самир, как подкошенный, рухнул на колени и стал биться о стену головой.

– Сынок, сынок, что с тобой, остановись! – мать упала рядом с сыном на колени, схватила его голову и прижала к груди. Он зарыдал, но по инерции некоторое время продолжал сопротивляться. Наконец затих.

Нармина отстранилась, он тут же открыл глаза – зрачки были расширены. Сердце его учащенно билось, словно он пробежал стометровку, а в уголках губ выступила пена. Почему она, врач, не заметила всех этих изменений еще с первым сыном...

Самир вдруг обмяк у нее в руках – она с трудом удержала его. Сердце сына продолжало стучать также громко и беспокойно.

– Сынок, – из глаз матери потекли слезы, она, наверное, впервые в жизни была так близко к нему, качала его, как маленького. – Любимый мой, родной... – Самир никак не реагировал, то ли уснул, то ли пригрелся в долгожданных материнских объятиях. – Что же это такое... почему... почему это происходит именно со мной?

Опять в замке заскрежетал ключ, и на пороге возник муж, Эльчин. Опешив в первое мгновение от открывшейся в коридоре картины, Эльчин поспешил на помощь. Он поправил неуклюже свесившуюся окровавленную руку сына, спросил испуганно:

– Что здесь произошло?

От него несло женскими духами и коньяком.

– Тебе это действительно интересно знать? – Нармина чувствовала себя совершенно опустошенной.

– Что с ним?! – стараясь не встречаться с ней взглядом, полным немого укора, Эльчин скинул свое великолепное кашемировое пальто и опять присел рядом с ними. Подставив руку, переложил голову сына, начал утирать тому пот.

– Ты знаешь, что такое «колеса»? – бесстрастным голосом произнесла несчастная мать.

– Нет! – замотал головой Эльчин. – Нет, нет, только не это! И он туда же... – глаза отца наполнились слезами боли.

– Я говорила тебе, мальчики должны чаще проводить время с отцом...

– Перестань! Сейчас не до этого, – по-прежнему не глядя на жену, перебил ее Эльчин. – Помоги перенести его на кровать.

Они долго стояли над сыном, казалось, забывшемся безмятежным сном. На секунду Нармину пронизало странное чувство, порожденное ассоциациями: вот они с мужем, молодые, красивые и счастливые, стоят, обнявшись, у кровати их малыша, самого любимого на свете. Двух сыновей – настоящее сокровище подарила Эльчину Нара! Как они тогда были счастливы, как он был горд, как благодарен ей! Это секундное наваждение вскоре сменили вполне будничные мысли врача: что делать, какой окончательный диагноз, степень зависимости... Они не знали, что сын не спал практически третьи сутки, такая нагрузка вконец свалила его, даже несмотря на принутую порцию наркотиков.

– Ты во всем виновата, – вдруг зло произнес муж, – ты недоглядела. Ты мать! Ты врач, в конце концов! – муж начинал распаляться от собственных слов, и принятый алкоголь был в этом ему надежным помощником.

– Я еще и виновата?! – возмущенно воскликнула Нармина. – А ты все это время где был? В командировке?

– Ненавижу тебя! – Эльчин не знал, на ком выместить свою злость. – Не мать, не жена, не женщина, никто... Тебе надо было мужиком родиться, и не врачом, а вер-

тухаем быть, почему не пошла по стопам своего папаши? Ни ласки, ни любви, только о себе всю дорогу думала. Привыкла, что все твои капризы папочка бежал исполнять! Ни к чему тебя не приучили. Но самое главное – не научили любить!

– И это говоришь мне ты? Это я не умею любить?!

– Кроме себя, никого ты не любишь. Даже детей своих никогда не любила. Все время оправдывалась: вот если бы девочка родилась... хорошо, что не родилась, Бог все видит...

Нармина была уже в спальне, спешно одевалась. Она торопилась бежать, куда глаза глядят, пока ее муж не договорился до главных слов, которые, по-видимому, давно зрели в его голове. Это означало бы ее смерть, она не представляла своей жизни без Эльчина. Она вылетела из подъезда. Куда идти в такую рань?

– Ильяс, мальчик мой, ну сколько мне тебя ждать? Завтрак уже на столе, остывает! Неужели так долго нужно за хлебом ходить? Кямран! – позвала Сона хала соседа. Тот сразу же выглянул. – Кямран, сынок, Ильяс не к тебе зашел? За хлебом пошел и застрял где-то, я уже проголодалась сама, пока его ждала.

«Ой, совсем забыл», – промелькнуло в голове у Кямрана. Он каждое утро спускался, чтобы купить соседке хлеба, каких-то продуктов – тогда она на некоторое время затихала.

Из кухни вышла Лейла. В руках она держала хлеб.

– На, отдай, – протянула она своему молодому мужу. – Вчера я купила, но мы же в гости зашли...

Кямран обнял жену и поцеловал в висок.

– Спасибо!

– Почему такой несвежий? – потрогала хлеб Сона хала.

– Еще слишком рано, только вчерашний продавали, – не моргнув глазом соврал Кямран.

Вот уже больше года он, да и все соседи, были втянуты в эту непростую историю.

Нармина подняла голову и увидела на балконе Сону. Не раздумывая, направилась к соседке.

– Ой, Нарочка, – радостно захлопотала бывшая одноклассница, напрочь позабыв многое из своего прошлого. Причем, забыла только плохое. А из хорошего у них было общее советское детство и школа, в которой они проучились до восьмого класса. Сона потом перешла в знаменитую Бюль-бюлевскую музыкальную школу, говорят, у нее был талант пианистки. Дружить – не дружили, но пару раз бывали в одной компании, когда за Соной начал ухаживать брат Эльчина. Но жених однажды заикнулся о том, что его семья не очень приветствует их брак, считают, что Сона не ровня ему. Сона при этих словах просто встала со скамейки и ушла, разом прекратила отношения. А потом вышла замуж за симпатичного, простого парня, заводчанина. Во дворе ходили слухи, что за время семейной жизни она несколько раз беременела. Но в живых остался всего один ребенок, сын Ильяс, появления которого она ждала целых семь лет, и потому боготворила его и очень им гордилась. «У меня хороший сын», – говорила она соседям. «Хороший сын – не профессия», – обычно парировала Нара.

Действительно, не профессия – это дар свыше.

Сейчас Нара могла признаться себе в том, что счастливые глаза несостоявшейся родственницы, ее неизменная улыбка и их всегда жизнерадостный сын, наряженный с ближайшей толкучки, почему-то всегда вызывали в ней стихийную зависть.

Сейчас же ей хотелось лишь одного – просто «забаррикадироваться» чужим несчастьем от своих проблем, еще раз удостовериться в том, что ее собственное горе все же не так глубоко по сравнению с горем Соны. Бывшая одноклассница в этом плане давала ей надежду – в этой жизни, пока она не достигла своей последней черты, все еще можно поправить...

– Заходи, милая, у меня сегодня такая радость! Ильяс первую получку принес! – глаза Соны светились от гордости за сына. – Представляешь, говорит, я же мужчина, значит, тоже должен в дом деньги приносить! Вот он у меня какой! Ах да, чай!

Сона суетилась, шутила, не переставая, рассказывала о своем сыне Ильясе.

– Так он заботится обо мне, не разрешает тяжести поднимать. Недавно со школы пришел, а я молоток достала, хотела дверцу починить. А он как начал меня ругать: мама, что у тебя, мужчин в доме нет?!

Она вдруг как-то странно посмотрела на Нармину и снова забеспокоилась.

– Кстати, а где он? У меня что-то сердце заболело... А материнское сердце всегда чувствует, когда с ее ребенком что-то не так. Где он? Он же за хлебом вышел... А почему ты плачешь? – Сона участливо заглянула в глаза гостье.

Слезы у той, непроизвольно вырвавшись, хлынули потоком.

– Да проблемы дома. С сыновьями, – призналась Нармина.

Она знала, что Сона именно тот человек, которому можно довериться полностью, поэтому рассказала ей все. Словно старые верные подруги они сидели на уютной, чисто прибранной маленькой кухне, и Нармина изливала свою душу. Как врач, она понимала, что сознание нездоровой женщины работает избирательно, и все услышанное пройдет сквозь «сито» восприятия – она поймет только то, что готова принять ее психика, что влезет в формат ее определенного, остановленного периода жизни.

– Ой, Нармина, сыновья наши подрастают, – с улыбкой мечтательно произнесла Сона после того, как Нармина умолкла. – Дай Аллах им здоровья! Дай Аллах, чтобы судьбы у них сложились счастливо! Чтобы дом был крепкий, жена верная да детишки здоровые. Остальное – суета! Главное – здоровье и лад в семье! Ну и, конечно, в мире! С другими странами дружить, с соседями особенно! Недаром у нас говорят, что близкий сосед дороже дальнего родственника! Ты согласна со мной? Все будет хорошо, поверь мне! Страна у нас огромная – все в мире уважают! И сыновья хорошие. Мы должны просто поддерживать их и благословлять на хорошие дела. Всему, чему могли, мы их уже научили: уважению к старшим, к людям, терпению, трудолюбию... дальше они уже сами пойдут по жизни, а наше материнское дело – молиться за них...

«А мы могли бы быть хорошими подругами, – подумала Нара. – Возможно, тогда и у меня, да и у нее все сложилось бы иначе»...

– Что ждет их там, во взрослой жизни? – вздохнула Сона. Ее слова, не встречавшие преград, сыпались, словно из рога изобилия. Нара, уставившись в одну точку, думала о своем, а Сона, как положено хозяйке дома, взяла инициативу в разговоре в свои руки. Надо отметить, что речь ее не была нарушена, в ней находили отражение вполне здравые мысли, которые ограничивали лишь временные рамки, установленные в ее сознании.

– Мы с Ахмедом иногда разговариваем на эту тему, – ее улыбка слегка резанула своей искренностью сердце Нары. – Не зря ведь растили, хочется, чтобы у них все хорошо было. Чтобы, не дай Бог, никакой войны не случилось, чтобы только добрые люди их окружали. Вот как сейчас. А то вон что в Афганистане творится... у соседки сына там ранило... совсем инвалид теперь, а деньги за это не такие большие платят. Как мужику семью держать? Но я слышала, Ильяса все равно не возьмут в Афганистан, он же у нас один в семье ребенок, на войну таких не берут. Единственный кормилец. Если что – прямо в райком пойду, такой скандал устрою, а то и в Москву поеду...

Сона говорила долго, почти беспрерывно, иногда вскакивала и заботливо подливала Наре чай, подкладывала конфеты. Наконец умолкла – устала говорить. При села, обмахиваясь краем шали. Отпила из расписной джехизной¹ чашки, припасенной для торжественного чаепития, и, взглянув на Нармину, с затаенной радостью общилась:

– Нара, представляешь, а наш Ильяс первую зарплату домой принес. Говорит, я же мужчина, значит, должен зарабатывать... – она говорила с придыханием, счастливо прижав руки к груди. С нежностью посмотрела на Нару, которая сидела, уронив голову. Сона погладила ее по руке. – Дай бог и твоим детям, Рашадику и Самирчику, вырасти достойными людьми...

– Я пойду, – поспешно поднялась Нара, не в силах больше выслушивать историю о столь замечательном сыне. – А ты ложись, отдохни пока.

Сона как будто только и ждала этого предложения. Послушно прошла в комнату и начала укладываться на диван.

– А можно я у тебя еще немного посижу? – все же вернулась Нара с порога. Представила, что ей предстоит увидеть и услышать дома.

– Нарочка, мы же соседи! – укоризненно произнесла Сона. – А хочешь, в спальне ложись, отдохни тоже. Что-то у меня голова как будто начинает болеть.

– Я посижу немного, потом уйду, дверь захлопну...

– Если Ильяс или Ахмед вдруг придут – у них свои ключи, ты не пугайся...

Нармина вдруг подумала о том, как было бы хорошо и ей вернуться в тот мир, когда «деревья были большими», дети – маленькими, солнце – ярким и любвеобильным, где не было войны, потерь и разочарований...

– Все будет хорошо, Нарочка, – ласково произнесла Сона перед тем, как окончательно заснуть. – Иншаллах!

Нара при этих словах повернула голову и слабо улыбнулась:

– Счастливая ты...

...Она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. В поле ее зрения попал парень, тяжело прохромавший к остановке – издалека парнишка и ее Самир были очень похожи, даже, наверное, одного возраста.

Когда парнишка обернулся, на лице, даже с такого расстояния, Нара заметила шрам. Парень заметно волновался: то присаживался на скамейку, то вскакивал, едва вдали показывался очередной автобус. У Нармины невольно сжалось сердце при виде раненого молодого парня, явно прибывшего с так называемой линии соприкосновения – в народе эту линию называют не иначе, как линией фронта...

¹Джехиз (азерб.) – приданое невесты.

...Сколько жизней безвинных было забрано на этой проклятой разделительной линии: юные мужчины, дети, старики... и это в то время, когда люди рассуждают о глобализации мирового пространства, высоких технологиях и демократии. Гарабах – словно позабытый цивилизацией остров, где, вопреки логике и смыслу, людей продолжают убивать – методично, с поразительной регулярностью и привязкой к тем или иным событиям. Большинство понимает, что межнациональная ненависть раздувается искусственно, а кого-то совершенно не волнует, что она уносит жизни и ломает судьбы тысяч семей по обе стороны разделительной полосы... Инструмент манипуляции. Наверное, здесь неуместен вопрос, почему никакие международные институты демократии и миротворческие организации, авторитетные звезды политики и вся адекватная часть мирового сообщества четверть века не могут повлиять на то, чтобы восстановить территориальную целостность Азербайджана – затушить этот тлеющий смертоносный фитиль. Если это настолько сложно сделать, то становится страшно от внезапного просветления – от мысли: насколько мы все беспомощны, и в каких неумолимых руках сосредоточено мировое господство...

Парень в очередной раз присел на скамейку, вытянул больную ногу. В один момент его лицо исказила гримаса боли – когда он попытался выпрямить ее в колене до конца. Продышавшись, со злостью стукнул по непослушной конечности.

Выходившие из автобуса оглядывались на уставившегося в одну точку парнишку, на его прислоненную к скамейке палку, и с пониманием проходили мимо. Старик, заметив съжившегося парня, решительно направился к нему.

– Сынок, что с тобой? Что случилось, скажи как отцу своему. Деньгами помочь не могу, конечно, пенсия не та, но, может, совет мой пригодится.

– Нет, нет, ничего, все нормально, большое спасибо, отец, – парень спрятал красные глаза.

– Из Гарабаха? – указал глазами на палку старик.

– Да.

– Много наших полегло, скажи честно? – старик спрашивал о последних апрельских кровопролитных событиях, которые обсуждались в каждой семье. Он заглянул в глаза бойца.

– Да, отец. Но трусов среди них не было ни одного. Все случилось внезапно, просто накрыло огнем...

– Да упокоит Аллах души шехидов. А ты чего здесь сидишь такой несчастный? Мы должны всем врагам назло жить! И процветать! И радоваться! А Гарабах все равно будет наш! Я знаю, что говорю! Аллах справедлив! Вы – наши дети – даже большие патриоты, чем мы! Вы вернете землю своих прадедов. Иншаллах, успею в родные места наведаться, на отцовскую могилу сходить.

Парень опустил голову. Старик похлопал его по плечу.

– Ну, ну, солдат не должен показывать слабость. Особенно перед женщиной.

– Да, отец. Спасибо, отец, – машинально отвечал парень, но на последней фразе словно осекся, даже обиделся слегка. – Какой еще женщиной?

– Ее ждешь? – старик улыбнулся, махнул вперед рукой и засеменил восвояси. Парень оглянулся и от неожиданности подскочил на месте.

Это была Она, о встрече с которой он грезил с той самой минуты, как пришел в сознание! Девушка подошла, подняла упавшую палку и протянула ему. Они сдержанно поздоровались и некоторое время стояли, держась за палку и глядя друг другу в глаза. Первой пошевелилась она:

– Я молилась за тебя, – прошептала тихо. – Я чуть не умерла от страха, когда узнала, что ты без сознания... я молилась... я хотела приехать в госпиталь, но отец запер меня дома, сказал, что убьет, если я его опозорю...

– Мало того, что бедный, еще и калека, да? – со злостью сказал парень и резко выдернул из ее рук палку. – Пока еще не поздно, послушай своего отца.

Она улыбнулась какой-то жалкой улыбкой, на лбу ее прорезалась скорбная морщина, и глаза наполнились слезами. Не удержалась, протянула руку и провела по шраму на его щеке. Он тут же поймал ее тонкую руку и прижал к губам.

– Как я ждал этой минуты, – его голос звучал взволнованно и глухо. Он изо всех сил старался держать себя в руках, не хотел показывать слабость женщине, которую любил больше жизни. – Ты не представляешь, что ты значишь для меня... только ради тебя я вернулся к жизни, только мысли о тебе помогли мне выкарабкаться, клянусь...

Он оглянулся на группу высыпавших из автобуса пассажиров, с интересом, перемешанным с сочувствием, глазающих на парочку. Но девушка, казалось, никого вокруг не замечала. Он жив! Он с ней! И отныне они всегда будут вместе!

– Не произноси больше никогда этого слова «калека», – слышишь! В моих глазах ты самый сильный, справедливый и честный мужчина! Отец все поймет. Обязательно поймет! Просто он переживает за меня... за нас... – она не отрывала своей руки. – Я люблю только тебя! Я согласна бежать с тобой! Я верю тебе свою жизнь!

– Клянусь, что никогда не обижу тебя и всегда буду защищать!

Так, поклявшись друг другу в любви и верности прямо под открытым небом, на остановке, они открыли новую страницу своей жизни, уже совместную.

– Пошли! – парень решительно обнял девушку за плечи, и она, казалось, больше не в силах сдерживаться, не обращая внимания ни на его сильную хромоту, ни на косые взгляды, счастливо прислонила голову к его плечу. Красивые густые волосы рассыпались, скрыв крепко держащую ее мужскую руку, всю в свежих глубоких шрамах...